

В новом обществе исчезает зависимость индивидов от закона разделения труда, причем не по-утопически в духе Ш. Фурье и В. Маяковского («землю попашет, попишет стихи»), а естественным путем, как и всевластие денег и рыночной стихии. Здесь возникает простор для реализации личной инициативы, а коммунистический принцип «каждому по его потребностям» реализуется в той мере, в какой средства производства распределяются между людьми по их потребностям для реализации их сущностных сил и способностей. Античная полисная экономика не знала безработицы, люмпенов и страха за существование.

Будущее общество будет строиться на информационных технологиях и средства материального производства не будут занимать решающего места в общественном производстве, а потому у общества не могут возникнуть опасения по поводу наделения отдельных индивидов чрезмерной долей средств материального производства. Это будет безопасно так же, как безопасно сегодня носить с собой электронный кошелек - карточку с энной суммой. Отнять информацию у производителя

невозможно даже в том случае, если она уже продана и куплена. Поэтому победа коммунизма является не предметом политических дискуссий, революций, но самого желания масс, их стремления к коммунистическому общественному самоуправлению.

Новое общество впоследствии мы будем называть синтетическим коммунизмом – синком, или синтетизм. Будут ли люди бороться за синком под руководством синкоммунистической партии России? Время покажет, но на капиталистическом западе синкоммунизм невозможен, поскольку западные страны еще не прошли стадию социалистического полного обобществления. Естественные социальные законы прекращают свое действие и начинается с 2003 г. (как предрекал Заратустра, говоря о стране Водолея) новый «золотой век». На наш взгляд, это квазиантичность (неоантичность) и представляет собой состояние синтетического коммунистического общества, в котором воля и сознание масс начинает играть решающую роль в переустройстве общества.

М. С. Ильченко

НЕ(О)МАРКСИСТСКИЙ ДИСКУРС ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Ильченко
Михаил Сергеевич

магистрант факультета
политологии и социологии УрГУ

Утверждения представителей постмодернизма о том, что марксистская теория превратилась в нарратив, ударили по левым даже сильнее, чем те могли себе представить. Они лишили их той среды обитания, которая стала для них привычной в последние несколько десятилетий. Смирившись с невозможностью радикального преобразования общества «позднего» капитализма, левые взяли курс на его всестороннюю и обстоятельную критику. Появившиеся в результате обширные теоретические изыскания марксистов-интеллектуалов долгое время служили колыбелью левой политической мысли, а заодно и пристанищем тех, кого привыкли называть представителями «альтернативной культуры». Постепенно лишаясь всякого влияния на реальную политику, левые, тем не менее, чувствовали себя в таких условиях весьма комфортно. Пусть «теоретический» или «академический», но всё же какой-то «островок свободы» они сохраняли. Вместе с вступлением в дискурсивный «диалог» с постмодернизмом они потеряли и его.

Вряд ли возможно сколько-либо определённо сказать, когда вместо методологии и теории марксизма речь стала идти о марксистской риторике и дискурсивной игре. Очевидно то, что взлёт и необыкновенная популярность постмодернистской философии в западных академических кругах не прошла мимо левых интеллектуалов. В стремлении осознать собственную идентичность традиция так называемого неомарксизма,

отошедшая от принципов ортодоксального марксизма столь же далеко, сколь и от реальной практики, не избежала искушения от обращения к отдельным постмодернистским концепциям. Иллюзию концептуальной близости обоих направлений могла составить их очевидная критическая направленность и неустанный поиск укоренённых в социальной природе механизмов подавления и угнетения. Однако иллюзия продолжалась недолго, и уже вскоре подобные «заигрывания» обошлись левым очень дорого.

При сохранении минимальной приверженности традициям классического марксизма, сама постановка вопроса о его соединении или «взаимодействии» с постмодернизмом представляется абсурдной. Во всех своих базовых методологических установках это две абсолютно разные, а по большинству аспектов – противоположные, мировоззренческие парадигмы. О каких бы то ни было пересечениях между ними речь может идти исключительно на уровне дискурсивной коммуникации. Использование отдельных терминов, заимствование риторики, игра дискурса, принимающая порой причудливые формы, - всё это оказывается возможным лишь в языковом дискурсивном пространстве. Попадая в его границы, представители западного марксизма оказывались на «чужой» территории и начинали играть по «чужим», незнакомым им правилам.

По сути дела, всё взаимодействие постмодернизма и марксизма (если в данном случае вообще уместно говорить о каком-либо «взаимодействии») сводилось к своеобразному «поглощению» последнего бесконечными дискурсивными матрицами. Впечатление о том, что марксистское учение обретает таким образом свою новую жизнь, оказалось обманчивым. Тенденции возникновения подобного рода стихийных синтезов свидетельствовали скорее об обратном – утрате левыми сколько-либо прочной теоретической платформы. Кагарлицкий довольно остро отметил, что в такой ситуации «осколки марксистской

теории всплывают в идеологическом бульоне вперемешку с фрагментами структуралистского дискурса и постмодернистской критики».¹

Примечательно, что в этих условиях попытка методологического соединения марксизма и постмодернизма, получившая колоссальную популярность в гуманитарной среде Запада, была крайне болезненно воспринята представителями обоих направлений. Эту попытку предпринял американский философ Фредрик Джеймисон. Достаточно обоснованная, а в ряде случаев абсолютно оправданная критика американского мыслителя, тем не менее, не способна скрыть очевидную вещь – Джеймисон остался столь же убеждённым марксистом, сколь тонко сумел вплести в свой анализ элементы постмодернизма. Более того, не будет преувеличением сказать, что работа «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» стала в своём роде абсолютно логичным следствием теоретических исследований культурной сферы западного марксизма. Их закономерным итогом, разрешившим целый комплекс противоречий и одновременно обнаружившим новые.

Идея культурной автономии всегда была одним из важнейших принципов в исследованиях неомарксистов. Несмотря на то, что в отдельных концепциях зависимость культурной сферы от производственных отношений признавалась весьма ощутимой, «определённую степень защиты от экономических сил» она всё же сохраняла.² Существование этой «критической дистанции» подчёркивает и сам Джеймисон, объясняя его стремлением вывести культурный объект за пределы влияния капиталистической системы.³ Однако иллюзия существования «островков свободы» в области культурного и, прежде всего, в искусстве сохраняется совсем недолго. В своём фундаментальном труде «Диалектика просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймер, задавшись целью выявить действие репрессивных механизмов за пределами экономического базиса, прибегают к анализу культурного поля. Понятие «культуриндустрии» прочно укореняется в научном критическом дискурсе, являя собой масштабную метафору производства-потребления смыслов в масс-медийном пространстве.

Конечно, здесь ещё нет идеи тотального проникновения культуры во все поры социальности, нет растворившегося в бесконечном пересечении стилей автора. «Культуриндустрия» – это скорее освоение нового материала для анализа. Не столько обличение действительности, сколько предчувствие ещё больших перемен. Однако основные нити, за которые впоследствии ухватывается Джеймисон в своей критике постмодернистской культуры, у франкфуртцев уже присутствуют. Уже чувствуется зыбкая грань, отделяющая массовый продукт от авангардного искусства, уже слишком частой для тонкого эстетства становится практика стилизации, а игра смыслов замыкается на самой себе. В сущности, Джеймисону остаётся лишь подвести черту под этапом модернистского искусства, записать в классики Джойса и Пикассо и объявить о наступлении эпохи «позднего капитализма».

Джеймисон отвергает идею всякой дистанционности культуры от производственной сферы и при этом не возвращается к жёстким схемам экономического детерминизма. Он, по сути, максимально плотно смыкает структуры базиса и надстройки, растворяя сферу экономики в пространстве культуры. Брошенная им между делом фраза о том, что сегодня «всё культурно», на

самом деле как нельзя более точно отражает общее состояние дел. Эпоха «позднего капитализма» рассматривается им как эпоха пастиша. Эпоха пародии, ставшей реальностью. Эпоха, когда смерть автора, торжество копии и игра стилей сами становятся нормой, образуя пространство безграничной культуры.

И, действительно, при ближайшем рассмотрении концепции Джеймисона его приверженность критической традиции западного марксизма не вызывает сомнений. Работа Джеймисона становится её логическим итогом, впитавшим и выразившим собой дух эпохи и преобладающие в гуманитарной среде настроения. Однако работа эта выходит в свет тогда, когда борьба в дискурсивном пространстве признаётся самими левыми уже безнадежно проигранной. И если одна часть левых интеллектуалов предпочитает сосредоточиться на существовании в автономных «островках культуры», то другая обращает острие своей критики против постмодернизма. Так, ведущий лидер антикапиталистического движения Алекс Каллиникос вменяет постмодернистам склонность к «навязчивой озабоченности культурными проблемами»⁴ вместо сосредоточенности на материальном. А Джон Зерзан, в свою очередь, отмечает: «Оскорбительно не только то, что «всё является культурой», культурой потребительских товаров, но и то, что постмодернизм принимает это, отказываясь от оценочных суждений и качественных выводов»⁵.

Осознав безнадежность участия в дискурсивной игре и сокрытую в ней ловушку, левые устремляются вырваться из неё всеми возможными способами. Отсюда – безудержные попытки нащупать «подлинность» и «реальность» через брошенные постмодернистам обвинения в бесконечных симуляциях и оправдании общества спектакля. Отсюда же – игра в «дискурс отрицания», которую следует расценивать сколь удачной, столь и неизбежной. Использование риторики антиглобализма, антикапитализма и антиамериканизма – возможно единственно очевидно зримая форма существования левого движения в настоящее время, на определённом этапе способная выступить своего рода брендом всего движения. Однако проблема заключается в том, что левые, в таком случае, опять же обречены действовать в чужой системе координат. И если Наоми Кляйн пишет о том, что «нет никакой пользы от использования языка антиглобализма»⁶, то необходимо сначала задать вопрос «а существует ли он вообще?». Когда весь дискурс сводится к чистому отрицанию в форме обличения и критики, он приобретает тот самый лозунговый характер, о котором писал Барт.

Но что же можно в конечном счёте противопоставить симулирующим реальность дискурсам, неизбежно включающим в своё пространство любую критику? Лидерам нового поколения левых кажется, что они могут дать этому весьма чёткий ответ – действие. Именно на реальную практическую деятельность сделали ставку те, кто отказался от «озабоченности культурными проблемами». Таковым, в частности, стал опыт антикапиталистического движения. Неслучайно всё тот же Зерзан в статье, посвящённой обстоятельной критике постмодернистской философии восклицает: «Ну, а пока – где наша энергия, протест, стремление построить неизуродованный мир?»⁷

Появление за последнее время многочисленных леворадикальных организаций являются, казалось бы, лишь подтверждением и воплощением в жизнь этого призыва.

Однако в этом случае заставляют задуматься слова другого мыслителя, как раз и возвестившего ранее о превращении марксизма в нарративность. Рассуждая о силе и потенциале марксистской теории в современных условиях, Лиотар отмечает: «...невозможно скрыть, что социальная основа принципа разделения, классовая борьба исчерпала себя и даже утратила всякую радикальность»⁸. За этой фразой несложно разглядеть вполне свойственную постмодернистам жёсткость и даже некоторый цинизм, но, тем не менее, вырастающий из неё вопрос для левых остаётся открытым: способно ли радикальное действие стать продолжением того, чего уже не существует?

1. Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М., 2007. С. 155.
2. Clark J. Fredric Jameson's Postmodern Marxism// <http://www.colorado.edu/Sociology/Mayer>
3. Jameson F. Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism// Publisher: Duke University Press. Place of Publication: Durham, NC. Publication Year: 1991. P. 48.
4. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М., 2005. С. 19.
5. Зерзан Д. Первобытный человек будущего. М., 2007. С. 157.
6. N. Klein. Reclaiming the Commons// New Left Review. (II). 9. 2001. P. 87.
7. Зерзан Д. Первобытный человек будущего. М., 2007. С. 157.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

К. С. Романова

НОВЫЙ ЛЕВЫЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ЦВЕТА

Романова
Кира Степановна

кандидат философских наук,
доцент, старший научный
сотрудник Института
философии и права УрО РАН

Освоение мира отдельным индивидом связано с представлениями об эксклюзивности этого процесса и гипертрофическим ощущением первичности и новизны переживаний. На самом деле, как говорит народная мудрость: «Новое – это хорошо забытое старое». Новый левый дискурс в этом смысле не исключение. Он имеет глубокие исторические психологические и социальные корни, изучив которые можно более полно понять суть настоящего.

Психофизиологической или психофизической проблеме, состоящей в интерпретации механизмов, обеспечивающих взаимодействие и гармонию между индивидом и средой его обитания, (включая как природу, так и социум), уделяется большое внимание во многих философских учениях. В наше время психофизическая проблема является одной из стержневых в антропологии. Биологическая составляющая, присущая индивиду через его личностные качества, отражающие черты социума, в «снятом» виде (в гегелевской терминологии) становится активным фактором в надбиологических системах (социальных, технических и др.)

Как в свое время отмечал Н.А Бердяев: «Отношения между человеком и обществом представляются парадоксальными. Извне, из объекта человеческая личность есть лишь малая часть общества, изнутри, из субъекта общество есть часть человеческой личности, ее социальная сторона»¹.

Понятие – правое, левое это знаки симметрии. Принцип симметрии – эвристический и методологический принцип научного познания, потому что любые симметрии являются эмпирическими обобщениями. Двусторонняя зеркальная симметрия, имеющая место в природе, известна как наиболее типичная структурная особенность живых организмов (зеркальная симметрия листьев, человеческого тела, человеческого мозга.

Поскольку человек выступает как мера вещей (Протагор), то он естественно и сам обладает свойством ассиметрии.

Внешний мир является ассиметричным относительно внутреннего ибо то, что находится во внешнем мире слева (в левом полуполе зрения), в интеллекте располагается справа (в правом полушарии головного мозга). Возникшие во французском парламенте политические понятия «левые» и «правые» весь XX век, да и в настоящее время терзали Россию (и не только ее) своей неоднозначностью. Являясь как бы противоположными политическими явлениями, они в своей деятельности смыкаются, зачастую переходя друг в друга. Это объясняется на ряду с другими причинами также человеческим фактором, и в первую очередь, структурой самой психики.

В социальной философии на данный момент не существует генерального дискурса (идеологической системы), способного дать достаточную интерпретацию современных политических процессов и коммуникативных практик. Социально-психологические особенности человека в том, что он воспринимает жизнь во всех ее проявлениях (природных, социальных, политических и др) во всей полноте своих чувств, в том числе запахов, красок и т. д.

Разноцветье мира и жизни сопутствуют человеку с рождения. Психология человека такова, что принятие значения цвета не всегда им осознается, потому что тяга (объективизация) к тому или иному цвету осуществляется на подсознательном уровне и определяется состоянием субъективных душевных чувств и ощущений. (Люшер) Учеными разных научных дисциплин установлено, что цвет обладает и биологическими и информационными свойствами энергии, и энергии не только физического поля, но и психологического поля. Если бы цвет был только объективной стороной нашего восприятия (к примеру, длинной волны «по Ньютону»), то все бы люди одинаково предпочитали определенные цвета независимо от возраста, пола, настроения.

Цвет – это некий язык, который мы не знаем из-за его неосознаваемого характера и отсутствия адекватного обучения. Тем не менее, культура социума, в которой обитает человек, имеет историю смыслового значения цвета. Однако многие исследователи цветовой семантики к сожалению констатируют, что сегодня мы ее не знаем. Наши познания в основном исчерпываются весьма скудными знаниями